

Гилберт Куйт Честертон *Радостный Ангел*

Оказывается, и впрямь существуют люди, которые считают сказки вредными. Серьезная женщина написала мне, что детям нельзя давать сказки, даже если сказки - не выдумка. Почему же? А потому, что жестоко пугать детей. Точно так же можно сказать, что барышням вредны чувствительные повести, потому что барышни над ними плачут.

Видимо, мы совсем забыли, что такое ребенок (на этом, собственно, и стоят столь прочно наши воспитательные системы). Если вы отнимете у ребенка гномов и людоедов, он создаст их сам. Он выдумает в темноте больше ужасов, чем Сведенборг; он сотворит огромных черных чудищ и даст им страшные имена, которых не услышишь и в бреду безумца.

Дети вообще любят ужасы и упиваются ими, даже если их не любят. Понять, когда именно им и впрямь становится плохо, так же трудно, как понять, когда становится плохо нам, если мы по своей воле вошли в застенки высокой трагедии. Страх - не от сказок. Страх - из самой души.

Дети и дикари пугливы - и правы. Они боятся этого мира, ибо он и впрямь опасен. Они не любят одиночества, ибо нехорошо, нет - очень плохо быть человеку одному. Дикарь страшится неведомого по той же причине, по какой агностик ему поклоняется - потому что оно существует.

Сказки не повинны в детских страхах; не они внушили ребенку мысль о зле или уродстве - эта мысль живет в нем, ибо зло и уродство есть на свете. Сказка учит ребенка лишь тому, что чудище можно победить.

Дракона мы знаем с рождения. Сказка дает нам святого Георгия.

Сказка показывает нам ясные, светлые картинки и приучает к тому, что бесконечным страхам есть предел, у страшных врагов есть враги, а в мире есть тайны, которые сильнее и глубже, чем ужас. В детстве я глядел во тьму, пока она не становилась черным великаном (если на небе сверкала звезда, он был циклопом). Но сказки исцелили мою душу.

Однажды утром я прочитал достоверный отчет о том, как мальчик, не старше меня, и не умней, и много беднее, победил такое же самое чудище, вооружившись лишь мечом, плохими загадками да храбростью. Иногда ночное море казалось мне драконом. Но я уже знал младших сыновей и портняжек, которым сразить дракона-другого не трудней, чем пойти к морю.

Возьмите самую страшную сказку братьев Гримм - о молодце, который не ведал страха, и вы поймете, что я хочу сказать. Там есть жуткие вещи. Особенно запомнилось мне, как из камина выпали ноги, и пошли по полу, а потом уж к ним присоединились тело и голова. Что ж, это так; но суть сказки и суть читательских чувств не в этом, - они в том, что герой не испугался. Самое дикое из всех чудес - его бесстрашие. Он хлопает чертей по плечу, предлагает им вина: и много раз в

юности, страдая от какого-нибудь нынешнего ужаса, я просил у Бога его отваги.

Если вы не читали сказку, прочитайте, там прекрасный конец: герой женился и узнал страх, когда жена окатила его водой. В одном этом больше правды о браке, чем во всех книгах о "проблеме пола", которых теперь так много.

По углам детской кровати стоят Персей и Роланд, Зигфрид и Георгий. Если вы уберете стражу, ребенок не станет разумней - просто ему придется прогнать бесов одному. В кого-в кого, а в бесов мы верим. Надежду отрицают все тверже, безнадежность остается вне сомнений. Нынешние люди веруют только в погибель.

Лучший из современных поэтов выразил эту веру в прекрасной, не лишенной сомненья строке:

Быть может, есть небо. Конечно, есть ад.

Мрачный взгляд на мир никогда не исчезал; новые тайноискатели и тайновидцы прямо с него и начинают. Не так давно вообще не верили в духов. Теперь все больше народу верит в нечистого духа.

Многие ругают спиритов за то, что все у них как-то глупо - духи шутят, чуть ли не танцуют со столиками. Меня это не пугает; я был бы рад, если бы духи вели себя еще смешнее. Пусть шутят, только получше. Наша новая духовность важна и уныла. Языческие боги бывали распутными, христианские святые - слишком серьезными, а духи эти и серьезные, и распутны; какая гадость!

Ведь суть и ценность Рождества в том, что мифы о нем добры и радостны. Конечно, я верю в рождественского деда, но на святки надо прощать, и я прощаю тех, кто не верит. А если кто-нибудь не понял, почему я так сержусь, пусть прочитают, к примеру, "Поворот винта" (аналог "Гари Поттера" в начале 20-го века). Мало на свете книг, написанных так хорошо, но я далеко не уверен, что стоило ее писать. Повествуется там о

двух детях, которые постепенно обретают и всеведение, и безумие под влиянием злых духов, слуги и служанки. Да, я не уверен, что Генри Джеймс должен был это издавать (нет, не покупайте, там все пристойно, это - про душу!), но я все же сомневаюсь и дам возможность оправдаться этому прекраснейшему писателю.

Я приму его повесть и похвалю, если он напишет не хуже о детях и Санта Клаусе. Если он не захочет или не сможет - дело ясно. Нас занимают мрачные тайны, не занимают - добрые. Мы не поборники разума, а поклонники дьявола.

Я думал обо всем этом, глядя на алое пламя в камине, осветившее комнату, словно радостный ангел. Наверное, вы не слышали об ангелах радости. Зато вы слышали о бесах уныния. Именно это я и хотел сказать.

Данный текст воспроизведен по изданию:

Честертон Г. К., Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе / Пер. с англ.; Сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. - СПб.: Амфора, 2000.

Г.К.Ч. илл. А.Торфисомера 1928, май 1928